
Блэкуит, Бресвейн, Авентин, осень 1864 года

---

5 сентября

— Ну вот и все, — довольно сказал Бреннон, подписывая судебные листы для отправки дела в суд, — осталось запаковать — и на покой с чистой совестью, э?

Бирн вздрогнул всем телом. Минуло уже пять месяцев с тех пор, как комиссар Натан Бреннон вернулся из отпуска, а старший детектив все еще не до конца пришел в себя. Внезапно он осознал, какую свинью начальство может подложить ему, свалив на пенсию в любой момент. Комиссар с умилением вспомнил, с какой радостью — и скоростью! — едва закончив с пространном докладом, Бирн смотался из кабинета. Единственное, что напоминало о его месячном владычестве, — новые жалюзи и другое кресло. Жалюзи, кстати, понравились Бреннону больше штор. Сентябрь был по-летнему теплый, и солнце прогревало комнату даже сквозь узкие щели между планками.

— Денек сегодня — чудо, — заметил комиссар. — Самое то для пикника или рыбалки.

— В Туине не советовал бы, сэр, — вежливо ответил Бирн, не переставая сверлить его подозрительным взглядом. — Намедни из него безглазых рыб выловили.

И еще не то вылезет, ежели дальше будут сточные воды в реку лить.

— За город можно выбратъся, — продолжил Натан, ехидно поглядывая на детектива. — Чистый воздух, ветер свободы, то-се. А?

— Не люблю деревню, сэр.

— Да, в городе повеселее, — кивнул Бреннон и хлопнул папку. — Режут, грабят и насилуют на каждом шагу.

Он придвинул Бирну стопку папок, и детектив принялся упаковывать их в коробку. Натан подошел к окну и выглянул в щелку между планками жалюзи. Двое рабочих под присмотром Виктора ван Аллена обновляли краску на фасаде кафе. Рядом кипела стройка — Валентина купила соседнее здание и расширяла дело. Полицейские уже с вожделением мечтали о обедах и ужинах, за которые не придется вести борьбу с клерками и прочими посетителями в маленьком зале «Раковины». В дверь постучали.

— Вас вызывает мистер Бройд, сэр, — доложил дежурный. — Вас и детектива Бирна.

Бирн судорожно дернул завязки на коробке.

— Сейчас будем. Расслабься, — добавил комиссар добродушно, — я не собираюсь на пенсию на этой неделе.

— Оно хорошо, сэр, — пробормотал Бирн. — Что вам там делать-то, на пенсии?

Бреннон знал, почему детектив так опасается карьерного роста — по департаменту вовсю распространялись слухи, будто комиссар отдела убийств вот-вот лишится холостяцкой свободы и оставит свой кабинет ради вящего процветания кафе и пекарни. Натан

посопел. Найти бы этого распространителя да потолковать с ним по душам!

Велев дежурному отнести коробку в экспедиционный отдел, Бреннон запер дверь и поправил прибитый под табличкой амулет. Детектив тоже еще носил серебряный медальон, который получил от Лонгсдейла, а смешки коллег за последнее время сошли почти на нет. Поднимаясь по лестнице, Натан перебирал в памяти множество тухлых дел, которые закрывались за недостаточностью улик или висели годами без движения, и прикидывал, сколько из них было бы раскрыто при помощи консультанта.

— Сэр, вы забыли, — Бирн протянул какой-то листочек. — Я нашел его в книге.

— Какой книге?

— «Классификация нежити». — Детектив кашлянул. — Взял почитать у Лонгсдейла.

Бреннон сунул бумажку в карман и постучался к шефу.

— Как тебе чтиво? Захватывающе, а?

— Не то слово, сэр, — хмуро отозвался Бирн, и они вместе шагнули в кабинет.

В воздухе плавали клубы дыма, а посреди табачного тумана восседал Бройд и пыхтел сквозь сигару, изучая какое-то письмо. Определить характер пыхтения Бреннон не смог — не то торжествующее, не то удивленное, а может, и раздраженное...

— На, прочти, — с ходу заявил шеф и толкнул письмо так, что оно заскользило по столу. — Ну каково, а?

Комиссар разогнал посланием клубы дыма и подошел поближе к окну. Письмо на нескольких плотных

листах с бледно пропечатанным гербом наверху было написано с немалым количеством ошибок. Натан не без труда продрался сквозь косноязычные восхваления, добрался до сути и удивленно присвистнул.

— Они это серьезно, сэръ?

— Как поп во время проповеди, — фыркнул Бройд и помахал другим письмом: — Это мне прислали высокопоставленные парни из Отдела республиканской безопасности, прямиком из Министерства внутренних дел. Никаких шуток.

Бирн негромко кашлянул, и Бройд кивком велел комиссару огласить прочитанное.

— К нам едут коллеги с континента. — Бреннон прищурился на название: — Из Лин-ден-шт... тш... штрассе?.. Словом, уголовная полиция кайзера желает приобщиться к нашему опыту, потому что их весьма впечатлили наши успехи. В установлении, — прочитал комиссар, — порядка и законности в столь краткий срок в таком молодом государстве.

— Кайзера? — с изумлением переспросил Бирн. — А как они, простите, будут приобщаться? Я на их языке ни слова не знаю, а они на нашем?

— Гм-м-м, — глубокомысленно изрек комиссар и полистал пространное письмо в поисках ответа.

— Насчет этого не волнуйтесь, — сказал шеф. — Как заверяет меня заместитель начальника ОРБ, все прибывающие довольно сносно говорят на риадском. Всего их будет трое, и, на всякий случай, к ним приставят переводчика.

— Но почему едут к нам, сэръ? — спросил Бирн. — Разве их не интересует столичная полиция?

— Кайзер Доргерна затеял реформу полиции и уголовного сыска, — пояснил Бройд. — Ему интересно, как все устроено на местах. Вот наше место они и хотят посмотреть.

— Черт подери! — воскликнул Натан, долистав до конца. — На наши головы свалится аж целый секретарь министра!

— Мистер Франц Эйслер, секретарь министра внутренних дел, — зачитал Бройд, мрачняя на глазах, — мистер Конрад Штрауб, старший инспектор столичного полицейского управления, и доктор Йоганн Ройзман, специалист по криминалистике. Нам уже велено облизывать и носить на руках. Видимо, кто-то оттуда, — он ткнул сигарой в направлении потолка, — хочет подлизаться к кайзеру Вильгельму. Пока у него самая большая армия, то и влияние на континенте тоже не из последних.

Бреннон тяжело вздохнул.

— Ну хорошо, кто-то оттуда хочет, а нам что делать? Вымыть департамент с мылом, поставить цветочки, расстелить шелковые ковры, организовать танец семи покрывал?

— Вы — собирайте чемодан, — сурово цыкнул Бройд. — Поедете со мной в столицу, встречать.

— Я?! — Комиссар подавился воплем «За что?» и умоляюще уставился на шефа. — Зачем?

— Бирн останется за старшего в вашем отделе.

«Опять?!» — отразилось на физиономии несчастного.

— Всем все ясно? Свободны. Поезд завтра в три сорок пополудни. Билет получите утром в экспедиции.

— Да, сэр, — глухо буркнул Бреннон, положил письмо на стол и оставил шефа наедине с сигарой; Бирн, излучая глубокую тоску, последовал за комиссаром.

— Мне кажется, вы не в настроении, — пронзительно заметил Лонгсдейл; пес повернулся к комиссару в ожидании ответа.

— Угу, — пробурчал Бреннон и окинул кабинет страдальческим взглядом. Родное, можно сказать, гнездо! Они тут еще с первым комиссаром собственноручно стены красили и потолок белили! После революции, в сорок пятом-то году, где было маляров и штукатуров взять...

— У вас неприятности?

Натан упал в кресло и мрачно уставился на джентльмена с собакой.

— Как мы им это все объясним? — Он ткнул пальцем в элегантную фигуру консультанта и пушистую — пса. — Вот это все?

— Что объясним? Кому?

Бреннон, не жалея эпитетов, поведал Лонгсдейлу о грядущем нашествии. На кайзера комиссару было в общем и целом плевать, но кто их просил лезть сюда буквально ногами?!

— Почему вы думаете, что доргернская полиция никогда не сталкивалась с вмешательствами? — спросил консультант, явно стараясь утешить. Пес положил морду на подлокотник кресла и посопел в знак поддержки. Бреннон горестно фыркнул:

— Они, может, и сталкивались, да только вряд ли этот Штрауб лично гонял ифритов. Если Редферн не

врет, вас таких всего-то сто двадцать семь, и увидеть вас можно реже, чем снег в июле.

— Да, — задумчиво кивнул Лонгсдейл, — нас не очень много. Ну так и не рассказывайте.

— Как? Непременно кто-нибудь проболтается! Хорошо еще, — добавил комиссар, смерив двуединую сущность, которую представляли собой человек и пес, тяжелым взором, — что мы вам ничего не платим и в учетных бумагах вы у нас не числитесь.

— Но разве вам не лестно, что вашу полицейскую систему так высоко оценили?

— Ну, может, — пробурчал комиссар. — Есть немного. Но сюда-то зачем переться?

Лонгсдейл поразмыслил.

— Скажите, могу ли я, чтобы развеять ваше недовольство, пригласить вас в театр?

— Чего?! — поперхнулся Бреннон. — Это еще зачем?!

Пес ехидно фыркнул.

— Чтобы развеять ваше недовольство, — терпеливо повторил консультант. — Поправить ваше настроение перед поездкой. Вы знаете, что в Блэкуите есть театр?

— Да, — ответил комиссар, хотя и не знал, зачем он нужен. — Я там ни разу не был. Правда, актеришек допрашивал пару лет назад, когда в том квартале кто-то повадился бить прохожих дубиной по голове и грабить трупы. — Пес зафыркал так, что Натан заподозрил, будто над ним смеются. — Что там делают? — с досадой спросил комиссар.

— Обычно — смотрят спектакли. — Лонгсдейл вынул из кармана маленький сверток. — Но мы будем

искать кое-что потустороннее. Или, — нахмурился консультант, — не совсем живое.

Комиссар с интересом привстал: Лонгсдейл развернул платок и показал узкий острый, чуть загнутый коготь — слегка розоватый, полупрозрачный, на вид как стеклянный.

— Он не сломан.

— Именно, — кивнул консультант, — коготь не сломан, он сброшен. Некоторые существа во время роста сбрасывают старые зубы и когти. А поскольку растут эти создания по мере увеличения числа жертв...

— Усек. — Бреннон вернул ему коготь, взял шляпу и трость. — Где вы это нашли?

— Это не я нашел, — ответил Лонгсдейл. — Мне это принесли.

К удивлению Бреннона, в театре было очень тихо — это в понедельник-то после обеда, когда все приличные люди в поте лица зарабатывают на хлеб. Им открыл престарелый сторож и проводил в директорский кабинет на первом этаже, позади фойе, среди такого лабиринта узких коридорчиков, что Натан подивился, как строители ухитрились впихнуть этот муравейник в столь малую площадь.

Директор театра поднялся им навстречу, вынырнув из стога бумаг, как бобер из хатки. За два года он не изменился — все тот же невысокий, крепко сбитый мужчина, лет сорока пяти на вид, с пышной, совершенно седой гривой и роскошными бакенбардами. Увидев комиссара полиции, он заметно насторожился. Голубые

глаза сузились, и он пристально осмотрел Бреннона с головы до ног.

— А, вы, — наконец заключил директор без особой приязни. — Мистер Лонгсдейл, разве с моей просьбой возникли какие-то затруднения?

— Мистер Эдуард Фарлан, — церемонно представил его консультант и указал рукой на своего спутника: — Комиссар Бреннон, глава отдела особо тяжких преступлений.

— Мы знакомы, — с холодком отозвался мистер Фарлан. Комиссар хмыкнул. — Откровенно говоря, я не рассчитывал на вмешательство властей.

— Мистер Лонгсдейл — консультант полицейского департамента. Он обязан сообщать нам о всех подозрительных случаях, с которыми сталкивается, — сухо заметил комиссар.

Пес издал крайне скептический звук. Взор мистера Фарлана пал на животное и потяжелел.

— Вы привели сюда собаку?

Лонгсдейл поглядел на пса так, будто его удивило само возникновение вопроса, и сказал:

— Когда вы обратились ко мне, мне показалось, что вас беспокоит безопасность ваших сотрудников и зрителей. В таком случае это дело полиции.

— Полиция уже вела здесь свои дела и не проявила к нам ни малейшего уважения.

— Зато тип, насмерть угостивший одного из ваших шутов дубинкой, благополучно добрался до виселицы, — заметил Бреннон. — Итак, слушаю. Что заставило вас обратиться к мистеру Лонгсдейлу?

Фарлан нашарил под столом трость и, хромя, протиснулся мимо посетителей к двери.

— Прошу за мной, господа. Ваше животное можно привязать у черного входа.

Пес молча смерил директора театра долгим взглядом.

— Не бойтесь, он ручной, — сказал Бреннон. Могучий зверь перевел глаза на комиссара и задумчиво щелкнул зубами.

— Я полагал, — сухо произнес мистер Фарлан, пока вел визитеров узкими коридорами к загадочной цели, — что вы, гм-м-м-м... специалист по некоторым видам животных, и никак не думал, что полиция имеет отношение к их отлову.

— Вот видите, — невозмутимо указал Натан, — пес тут в самый раз. Верно, Кусач?

Собака продемонстрировала ему весь набор зубов.

— Ну, на Рыжего ты сам не откликаешься, — проворкотал Бреннон.

— Этот коготь, который я вам принес, — продолжал Фарлан, поднимаясь по тесной лесенке с помощью перил и трости, — обнаружил один из наших плотников. Откровенно говоря, если бы не место находки, я бы не придал этому значения. Прошу.

— Что же это за место? — спросил Лонгсдейл и ступил на сцену. Фарлан указал тростью вверх. Бреннон задрал голову и протяжно присвистнул. В темноте над сценой едва виднелась некая конструкция, до которой было добрых двадцать футов.

— Ни черта себе! Как оно туда влезло?

— Дело не в том как, — еще суше сказал директор, — а в том, что это зрительный зал, и я не хочу,

чтобы здесь появилось какое-то животное, когда он будет полон людей.

— Да, — задумчиво согласился Лонгсдейл, — в этом вы правы...

— А где сейчас все ваши актеры? — поинтересовался комиссар. — Почему никого нет?

— В понедельник у нас выходной. Потому я пригласил мистера Лонгсдейла именно сегодня.

«А вас — не приглашал», — прочел комиссар по физиономии директора. Впрочем, они и в прошлый раз не ладили с первого же взгляда.

— Что это такое? — Бреннон указал на конструкцию, пока пес обнюхивал сцены, а консультант доставал из чемоданчика пояс с инструментами.

— Колосники, — с некоторым презрением ответил Фарлан. — Необходимы для спуска и подъема декораций и прочих элементов. Плотник всегда проверяет их состояние вечером в воскресенье, после последнего спектакля. Собственно, вчера он нашел там коготь и вот... — Директор с досадой посмотрел на комиссара, консультанта и его пса, уже явно сожалея о своем решении.

— А как туда влезть? — поинтересовался Лонгсдейл.

Фарлан оглянулся на консультанта и удивленно поморгал: тот сложил трость, шляпу, сюртук и жилет на сцену и опоясался ремнем с развешенными на нем инструментами.

— Вы собираетесь ловить животное прямо сейчас? То есть вам не нужна помощь, сетки, снотворное или ружье?

— Сейчас там никого нет, — спокойно сказал Лонгсдейл. — Потому что если бы кто-то был, то уже прыгнул бы вниз, на добычу.

Фарлан нахмурился и посмотрел на колосники. Потом повернулся и похромал обратно в узкие коридоры. Оттуда он вывел своих спутников к тесной, темной и крутой лесенке из камня, которая поднималась ввысь, огороженная скорее намеком на перила из тонкого прута. Директор потрогал палкой ступень и вздохнул. Он уже поставил на нее ногу, когда Натан его остановил:

— Спасибо, дальше мы сами. Когда слезем, хотелось бы увидеть вашего плотника.

— Да, хорошо. — Фарлан с заметным облегчением отступил от лестницы. Бреннон, протискиваясь мимо, покосился на его левую ногу (архитектор, возводя театр, стремился к строжайшей экономии места). На левой руке директора недоставало мизинца и безымянного пальца, а средний был искривлен. У виска виднелся бледный старый шрам. Уж не потому ли этот достойный джентльмен так шарахается от полиции, что в прошлом у него какие-нибудь криминальные дела?

«А может, — вздохнул Натан, согнувшись в три погибели, чтобы проползти по лестнице, — это просто личная неприязнь».

Лонгсдейлу, который был крупнее и шире в плечах, приходилось еще хуже. Иногда он останавливался и осматривал стены. Наконец, почти на самом верху, консультант указал на длинные свежие царапины в серой штукатурке.

— Что это, как думаете? — переспросил Бреннон.

— Кто-нибудь из вампировидных, — сказал консультант и осторожно выбрался на решетку из бруса.

В просветах виднелась сцена и рыжий пес, бродящий по ней. Бреннон огляделся. Кругом были какие-то блоки, лебедки, тросы, механизмы, назначения которых комиссар не знал; над головой чернели перекрытия крыши. — Смотрите! — снова привлек его внимание Лонгсдейл.

Натан с опаской придвинулся к консультанту: тот нашел еще царапины на брусках и показывал комиссару второй коготь, застрявший в дереве.

— Черт побери, — пробормотал Бреннон и принялся озираться. Самым неприятным открытием при чтении «Классификации нежити» для него стало то, что вампировидные не спят в гробах, как бают сказки, а предпочитают взбираться повыше и прыгать жертвам на голову. В темноте перекрытий было столько места, что там мог укрыться целый выводок тварей. — У вас есть лампа?

— Я и так все вижу. Ах да! — спохватился Лонгсдейл. — Простите. Вот.

Он сунул комиссару приспособление вроде трубки с расширяющимся концом, в котором было стекло.

— Скажите «Lumia», — с почти детской непосредственностью предложил консультант, следя за Натаном. — Сосредоточьте ваше воображение, желание и силу воли на свете фонарика.

— Самое время, — кисло пробурчал Бреннон и прикинул, можно ли будет врезать вампировидному фонариком, если оно вдруг прыгнет.

— О, ну скажите!

Комиссар уставился на фонарик и буркнул:

— Lumia.

К его изумлению, внутри блеснул и тут же погас свет. Натан сосредоточился, представил себе светящийся фонарик и повторил «lumia». У него, конечно, не вышло — свет в итоге зажег консультант, но фонарь честно мигал в ответ на усилия Бреннона.

«Интересно». — Натан обвел фонарем колосники. Он-то думал, что сакральные знания могут постичь лишь избранные, а оно вон чего...

— Что ищем? — спросил он консультанта.

— Следы когтей, сами когти, зубы, клочья кожи, волосы, пятна крови.

— Думаете, оно уже заело кого-то?

— Если оно сбрасывает когти, значит, растет. Для роста нужна пища. Хотя пока еще, вероятно, оно не убивает жертв.

— Оно может только прятаться в театре, а охотиться на улицах. — Комиссар осторожно побрел по решетке кругами, освещая себе путь фонарем. — Кстати, почему именно тут? Я надеюсь, вы не скажете сейчас, что это здание построено на могилах тысячи невинно убиенных младенцев?

— Да нет. — Консультант задумчиво поглядел в потолок. — Здесь просто хорошее место для уютного гнезда.

— Так что же это за пакость?

— Пока не знаю.

Бреннон посмотрел вниз, на пса и директора театра, который беседовал с каким-то человеком; потом вверх, на перекрестья темных, едва различимых балок, и со вздохом заключил:

— Теперь уж я точно уеду в столицу со спокойным сердцем.